

WVI
АНТИУТОПИЯ
WVI

Беспощадная толерантность

Кирилл Бенедиктов
Владимир Березин
Юрий Бурносов
Дмитрий Володихин
Евгений Гаркушев
Олег Дивов
Лео Каганов
Тим Скоренко
Сергей Чекмаев
и другие

Беспощадная толерантность

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
Б53

Составитель сборника *Сергей Чекмаев*

Серийное оформление художника *Игоря Успенского*

Иллюстрация на переплете художника *Анатолия Дубовика*

Б53 **Беспощадная** толерантность : [сборник социальных антиутопий] / [сост. С. Чекмаев]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 480 с. — (Антиутопия-XXI).

Есть ли предел толерантности? Куда приведет человечество тотальная терпимость — в мир, где запрещены слова «мать» и «отец», традиционные отношения считаются дикостью и варварством, а многоцветие «радужного» будущего давным-давно стало обыденной повседневностью? В мир, где агрессивное нашествие иных культур и идеологий целиком подминает под себя гостеприимных хозяев?

И чем это может грозить государству и обществу?

Олег Дивов, Лео Каганов, Сергей Чекмаев, Дмитрий Володихин, Юрий Бурносов, Кирилл Бенедиктов и другие в сборнике фантастических произведений, посвященных будущему, которого не должно быть...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Ахметшин Д., Байтеряков С., Бенедиктов К., Березин В., Бурносов Ю., Володихин Д., Гаркушев Е., Дивов О., Дорофеева О., Дрожжин О., Егорова Н., Каганов Л., Калугин Е., Китаева А., Куликов И., Прокопчик С., Рыженкова Ю., Скоренко Т., Томах Т., Чекмаев С., 2017

ISBN 978-5-699-92564-3

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Уважаемые читатели!

В первом сборнике, подготовленном при содействии Фонда «Взаимодействие цивилизаций», мы рассмотрели весьма актуальную проблему эволюции терроризма. Теперь же, в книге, которую вы держите в руках, основной темой стал другой серьезный вызов современности, моделирование его развития и последствий.

Нельзя не отметить, что протестный, т.н. «бытовой» терроризм порождают и поддерживают многие проблемы нашего общества, в том числе и насаждение толерантности в специфическом ее понимании, как борьбу за права человека, но не всякого, а принадлежащего к каким-либо меньшинствам. Вокруг значения слова «толерантность» сломано уже немало копий, однако трудно спорить, что конкретно в России большинство населения под ним понимает не добродетель терпения и прощения, а индифферентное отношение к чему-то плохому.

Мы предложили известным писателям-фантастам и молодым авторам поразмышлять, до каких пределов может развиваться либерализованная терпимость, если существующие тенденции сохранятся? Дойдет ли ситуация до абсурда или же в какой-то момент начнется откат этого процесса? С точки зрения простого обывателя середины XX века, не говоря уже о более ранних периодах, наша сегодняшняя реальность местами выглядит гораздо фантастичней самых смелых утопий и антиутопий. Борьба со словами «отец» и «мать», политкорректное исправление классических произведений, не исключая даже Библии, поощрение гей-парадов и запреты на шествия гетеросексуалов если кем-то из фантастов и прогнозировались, то лишь только в отдаленном темном будущем или совсем уж в далекой-далекой Галактике. Но случилось это здесь и сейчас, и не в «банано-

вой республике» с экстравагантным правителем, а в целом ряде крупнейших государств.

Перспективы развития терпимости дают широкий простор для дискуссии. С одной стороны, каждое государство и общество имеют инстинкт самосохранения, подавить который весьма непросто. Разного рода девиации могут свободно существовать лишь при определенных условиях, которые складываются далеко не всегда. Тот же пацифизм хорошо исповедовать в пределах стабильного государства с крепкой обороной, а вот во время гражданских войн даже самые идейные толстовцы вынуждены согласиться, что простой обрез гораздо эффективней всех проповедей о непротавлении злу насилием.

С другой стороны, ревнители толерантности, особенно в отношении сексуальных меньшинств, нетрадиционных религий и депривилегированных слоев общества, представляют собой хорошо организованную силу, умеющую добиваться поставленных целей. С учетом того, что противодействие им оказывается стихийно и ни о каких, к примеру, «антиголубых» лобби никто никогда не слышал, инициатива всегда находится на стороне поборников толерантности. И периодически выливается в малые и большие победы, которые после законодательного закрепления становятся практически необратимыми.

Может ли бессмысленная и беспощадная толерантность уничтожить конкретную страну? В теории — может. Та же ювенальная юстиция в своих «продвинутых» формах способна превратить воспитание ребенка в тяжелое испытание с непредсказуемым исходом и полностью разрушить институт традиционной семьи. На практике же вымирающее коренное население будет быстро замещено совсем нетолерантными мигрантами, которые демократическим путем придут к власти и немедленно отменят всю демократию с толерантностью. Страна в этом случае уцелеет, но станет уже совсем другой.

Как бы то ни было, есть о чем поговорить и ученым, и фантастам, которые нередко оказываются прозорливей маститых футурологов.

Силантьев Р.А., член экспертного совета
Фонда «Взаимодействие цивилизаций», доцент МГЛУ;

Чекмаев С.В., редактор-составитель.

Радужное
будущее

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ДИАГНОЗ

 пятницу я приперся домой с работы в девять вечера, голодный и злой. Ну, почему злой, это понятно. Начальник созвал нас на совещание за полчаса до конца рабочего дня, а затянулось оно на два с лишним часа. А почему голодный... Так по той же причине и голодный! Вообще-то наш маразматик со стажем так поступает три дня из пяти, Генка об этом прекрасно знает и ждет меня с горячим ужином.

Генка — это мой бойфренд, мы уже скоро год вместе. Кстати, надо не пропустить дату, купить ему что-нибудь подходящее — ну, серьгу там со стразами или абонемент в салон красоты... Хотя нет, абонемент я ему вроде бы недавно дарил — в феврале, на день влюбленных. Или не дарил? Паршивая штука избирательная амнезия, надо бы ее скорректировать, только что мне достанется взамен?

Лифт со скрежетом раздвинул двери. Нашаривая ключ, я привычно потянул носом, пытаюсь еще на лестничной площадке распознать, что у нас на ужин. Облом. Воняло горелой изоляцией, да еще как воняло! Стараясь больше не вдыхать, я торопливо отпер дверь, толкнул ее... и вот это номер! Дверь была закрыта изнутри на цепочку, и я как дурак ткнулся в нее лбом.

Я сразу понял, что дело плохо. Но не сразу понял, насколько.

— Генка! — крикнул я. — Ты чего чудишь? Открывай, это я! Быстрее открывай давай, фиг ли ты вообще закрылся? Эй, эге-гей, ау, ты где?

Мой бойфренд не спешил на зов, и мне пришлось дышать чем дают, то есть горелой вонью. Между прочим, ничем съедобным изнутри квартиры в дверную щель не пахло. Не ждал он меня, что ли? А может... Меня обожгло безумной догадкой: а если у него там любовник?!

Я взревел раненым слоном. Ну, или буйволом, не знаю. Во мне проснулась ревность — само собой, патологическая — и вытеснила все остальные чувства с рассудком заодно. Я попытался сорвать цепочку или выломать дверь, расшиб плечо и стал бешено оглядываться в поисках орудий взлома.

Тут подлец Генка соизволил прибыть к двери. Он был в костюме, при галстукe и мрачно-решителен. Кажется, адюльтера в квартире не совершалось.

— Впусти! — тяжело дыша, потребовал я.

— Сначала пообещай, — мрачно сказал Генка. — А лучше поклянись.

— Чего-о? — возмутился я.

— Обещай, что меня не побьешь, — гнул свою линию Генка. — Тогда впусти.

— Да что случилось?!

Вообще-то я уже понял, что случилось. Но не хотел верить.

— А хотя ладно, бей, — безнадежно махнул рукой Генка. — Только не по лицу, Вадик, я тебя прошу.

Он откинул цепочку, распахнул дверь и попятился в глубь коридора. Я переступил порог, клацнул выключателем, шагнул к бойфренду — и лишь теперь, на свету, разглядел его опухшие от слез глаза в потеках туши и покрасневший нос.

Понимание обрушилось на меня, недвусмысленное, как кирпич.

— Ты от меня уходишь?

Генка всхлипнул и кивнул. Прозрачная слеза выкатилась у него из уголка глаза, скатилась по переносице и неэстетично повисла на кончике носа.

Противоречивые чувства боролись во мне. Хотелось одновременно избить гаденыша, прижать к своей груди жестом утешения, растерзать в клочья и серьезно, взвешенно поговорить за жизнь.

— А чего пожрать у нас есть? — спросил я и попал в точку.

В болевую.

Генка истерически разрыдался и с криком: «Тебе бы только жрать! Ты меня не любишь! Ты меня никогда не любил! Пельмени возьми в морозилке!» — ломанулся в ванную.

Я вздохнул. Ну да, не люблю и не любил, это правда, чего уж там.

Пельмени шкворчали на сковородке, кухонный телевизор с отключенным звуком показывал на канале «Все краски радуги» попеременно то рожи, то жопы, а по бульканью воды в трубах было понятно, что Генка принимает ванну — надо полагать, со своей любимой лавандовой пеной.

Отвратительно.

То есть к лаванде у меня как раз претензий не было. Да и к Генке до сих пор тоже. Он меня в высшей степени устраивал как партнер. Отвратительно то, что теперь мне придется все менять.

Где я еще такого найду? Идеальный бойфренд. В квартире всегда тихо и чисто, на кухне порядок и вкусная еда... А главное, Генка стопроцентный гей, но притом импотент. А? В том-то и фишка! Ни баб он в дом не водил, ни мужиков, ни ко мне не при-

ставал. Ну, там, обнять-поцеловать, утешить-приласкать — это от меня требовалось, но никаких постельных поползновений. Мы даже спали в разных комнатах, Генка — чтобы не расстраиваться, а я... ну, по большому счету, тоже чтобы не расстраиваться, хотя и в другом смысле, да.

И в социальной карточке у меня почти год был полный порядок — так, мол, и так, мазохист-романтик, проживает в однополном гражданском браке.

Все, накрылась наша идиллия.

Ах ты ж, крысу им в шлем!

Я вовремя спас пельмени от сожжения, выбросил в ведро пяток серьезно подгоревших, а остальные честно разделил на две порции. Настроение у меня было — хуже некуда. Сейчас бы пойти в кабак и надраться до лохматых чертей. Но алкоголизм мне скорректировали еще в начале зимы. И приступы немотивированной агрессии тоже сняли. А жаль. Взять бы да зарядить кому в рыло! Первому попавшемуся! А кто не спрятался, как говорится, я не терапевт. М-да, отличный вариант, но мне сейчас недоступен.

— Иди сюда, — позвал я Генку, который успел выбраться из ванной и мялся в коридоре. — Не буду я тебя бить. Да когда я тебя бил вообще? В декабре? Так это когда было!

— Давно... — мечтательно вздохнул Генка. — Хорошие были времена, да, Вадик?

Я поперхнулся пельменем.

— М-м-м!

— Хорошие, — убежденно сказал Генка. — Я тогда еще думал, что у нас с тобой всерьез и навсегда. Дурак был! Но счастливый.

— А теперь? — невнятно спросил я, прокашлявшись. — Теперь ты что? Умный и несчастный? Что с тобой случилось вообще?

— Теперь я педофил, — со значением сказал Генка. — Активный. То есть дееспособный. Больше никакой импотенции. На работу пойду, драмкружок в школе вести, с историческим уклоном. Пьесы будем ставить, древнегреческие...

Я нехорошо выругался.

— А что мне было делать?! — вдруг заорал Генка. — Ты думал, я бревно бесчувственное? Тебе на меня всегда наплевать было! А я-то старался, ужины тебе грел, икебану в прихожей сделал, в кружок вышивки записался! Ради домашнего уюта. А ты все Валерку своего вспоминал чуть что... Валерку ты любил, всегда любил, до сих пор любишь, а меня? А меня — нет!

— Не смей ее называть Валеркой! — заорал я в ответ. — Она тебе не Валерка, а Валерия! Понял, ты?

— Ах, она-а... — картинно протянул Генка. — Ну конечно, как я посмел!

Я зарычал.

Генка победно ухмыльнулся.

А мне внезапно стало его жаль. И правда, что хорошего он от меня видел? Ни любви, ни ласки, одни бытовые придирки, даже подарки не от души, а по обязанности.

— Бедняжечка, — искренне сказал я.

Генка с визгом подскочил и неумело стукнул меня по шее.

Я дал сдачи, и мы слегка подрались. Потому что немотивированную агрессию мне стерли, но Генка-то меня мотивировал, да еще как! После мы убрали разбитую посуду и мыли пол от пельменей. Потом смотрели реалити-шоу «Только ты, а еще ты и ты», пили сладкий липкий ликер из Генкиной заначки и немного плакали.

Потом я ушел спать, а утром в квартире уже не было ни самого Генки, ни его вещей — только прощальная записка и пыльный уродливый веник в прихожей. Теперь я знал, что это называется икебана, а проку?

Прочитал я оставленное Генкой послание и выперся с горя в скверик рядом с домом.

Светило весеннее солнце, пели птички. В общем, хоть вешайся. Вот только с повешеньем я давно завязал. У меня вообще суицид плохо идет. И, спрашивается, что осталось мне в этой жизни? А? Кто ответит?

Тут я остановился и осмотрелся, будто в самом деле искал, кого спросить. В сквере поутру оказалось до фига народу. Перед клумбой две впавшие в детство бабульки одышливо играли в резиночку. На одной скамейке кто-то храпел. За другой скамейкой кто-то демонстративно прятался, вытарчивая головой в лыжной шапочке, — онанист, вуайер, а может, геронтофил. По аллейке прогуливались юная девушка с вальяжным догом (интересно, кто он ей?), две однополые парочки в обнимку и одна разнополая за ручку, немолодой мужчина в черном плаще, черной шляпе, черных очках и черных туфельках на шпильках. Прямо на клумбе сидел очень толстый юноша с пакетом фастфуда на коленях и самозабвенно жрал.

Злая тоска вдруг накрыла меня, как океанская волна, с головой. Все и каждый в этом заплеванном скверике нашли свое место в жизни — и только я один не знал, что с собой делать. С горя я уселся на свободную лавочку, мстительно загородив обзор гражданину за ее спинкой, и уставился на девицу, что неумело косила под зоофилку. А ноги у нее кра-

сивые... Интересно, что будет, если я ей скажу комплимент? Пока я раздумывал, появилась девушка постарше, подхватила собачницу под руку, и подружки принялись целоваться враскоряку. И-эх!

Без комментариев.

Кто-то шмякнулся рядом со мной на скамейку. Я медленно повернулся и обнаружил в соседях немолодого мужчину во всем черном. Туфельки на шпильках были ему явно и оскорбительно малы, как башмачок Золушки ее сестрам. Усевшись, он высвободил пятки из туфель и не сдержал вздох облегчения. Я мысленно окрестил мужчину в черном Золушкой — наверное, потому что понятия не имел, как звали сестер.

— Я вас знаю, — понизив голос, сообщил мне Золушка.

Я пожал плечами.

— Вы купили квартиру в моем доме, — доверительно продолжал мужчина. — Причем еще до того, как я въехал в свою. Признаться, чего вам это стоило?

Квартира? При чем тут квартира? Я опешил и пропустил момент, когда надо было встать и уйти. Золушка цепко схватил меня за локоть.

— Видите этих якобы гуляющих? — он перешел на свистящий шепот. — Это все маски, личины, подделка!

Я машинально кивнул, но собеседник вещал дальше на своей волне:

— Они здесь ради меня! Они охотятся за мной. Я, только я — предмет их сокровенных грез, их безудержного вождения. Мне невозможно обрести покой нигде. Все взгляды на улице, в магазине, в метро обращаются на меня! И если я зайду в парламент, все отвернутся от спикера и президента. Я — Человек, Которого Хотят Все.